

illorum, qui hoc latine celebraverunt), — что в это самое время те же немцы приглашают нового грека, к тому же еще теснейшим образом связанного с константинопольским императором и патриархом! Мы не настолько легковёрны, чтобы принять эту комбинацию.

Не останавливаясь на этом, Хонигман рисует нам любопытную сцену дружеской беседы между Агафоном и немцами: „Легко можно представить, — пишет он (стр. 173), — что, спрошенный немецкими епископами о том, что нужно думать о [его] соотечественнике Мефодии и его претензиях, Агафон отвечает: Мы — греки — не знаем, по какому праву один из этих „философов“ [Мефодий] называется архиепископом; как вы впрочем хорошо знаете, истинный греческий архиепископ Моравии — это я!“

Не будем останавливаться на других соображениях Хонигмана; они падают, как падает его основной тезис. Итак, от „открытия“ Хонигмана ничего не остается.

Из разобранных нами примеров достаточно отчетливо выступают особенности буржуазной исторической науки. Буржуазные историки (Дворник) рассматривают христианизацию как самоцель, как насаждение византийской культуры среди отсталых, варварских народов. Они не хотят видеть того, что насаждение христианства было одним из элементов византийской политики. Но и те буржуазные историки, которые готовы признать политический характер византиино-моравских отношений в середине IX в. (Златарский, Огиенко, Киселков), даже не ставят вопроса о внутренних причинах христианизации Моравии: они не понимают того, что становление классового феодального общества делало невозможным сохранение старой языческой религии, возникшей в недрах бесклассового общества, — христианская классовая религия, освящающая гнет феодалов и царскую власть, была нужна Ростиславу и моравским феодалам не потому, что они восторженно относились к высокой византийской культуре, но потому, что они справедливо видели в христианстве идеологическое оправдание своего господства.

Раскрывается не только методология, но и методика исследования буржуазных историков в работах рецензируемых нами авторов: погоня за сенсационными „открытиями“, которые на проверку оказываются известными уже Лёкеню и Гергенрётеру, пренебрежение к фактам, приводящее к мифотворчеству и превращающее историческое сочинение в антиисторический роман, не говоря уже о той тенденциозности, которая постоянно проявляется в исследованиях, посвященных кирилло-мефодиевской проблеме, и которая особенно отчетливо выступила в работах Александра Брюкнера. Общий кризис буржуазной историографии проявился и в работах, посвященных византиино-моравским отношениям в середине IX в.

Ф. М. Россейкин

II. РЕЦЕНЗИИ

Н. М. ТОКАРСКИЙ. АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ.

Издание Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1946, стр. 381 + 96 табл.

Великое художественное наследие древней Армении, в частности архитектурное, поистине огромно. Им по праву гордится армянский народ, и не только армянский, ибо зодчество Армении — одно из наиболее

ярких явлений мировой культуры, особенно в средние века. Однако приходится отметить, что изучено оно совершенно недостаточно; очень много памятников еще не выявлено, не опубликовано и не исследовано. Но и накопленный богатейший материал пока не обобщен. Научная история армянского зодчества, фундамент которой заложен трудами Н. Я. Марра и Т. Тораманяна, до сих пор не написана.¹ Ее с нетерпением ждут и историки Армении, и широкие круги советской интеллигенции, и творцы новой армянской архитектуры, которые по праву столь дорожат родным художественным наследием.

Первый шаг в этом отношении предпринял Н. М. Токарский. Автор уже давно занимается историей армянского зодчества, долгое время работал в Армении, и мы в праве ожидать от его книги существенных результатов. По словам автора, его работа имеет целью „сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих...“ (стр. VIII—IX), причем рассчитана рецензируемая книга на „читателя, не занимающегося специально вопросами истории архитектуры“ (стр. IX). Однако книга эта, задуманная как научно-популярная работа, содержит не только ранее известный материал, но вводит в научный обиход еще не опубликованные памятники, а также результаты новейших исследований, в частности — исследований самого автора, что придает книге характер оригинального исследовательского труда. Это обстоятельство, несомненно, повышает наш интерес ко всей работе.

Книга, не считая введения и приложений, состоит из шести глав; из них первая посвящена древнейшей и античной архитектуре Армении до V в. н. э., а остальные — средневековому зодчеству и строительным приемам древних мастеров. Отметим крупный недостаток книги: армянская архитектура после XIII — начала XIV в. совсем выпала из поля зрения автора, хотя известно, что в восточных областях Армении, переживавших в XVI—XVII вв. экономический подъем, монументальное строительство в этот период не только не прекратилось, но продолжало в некоторых отношениях развиваться, и для историка культуры представляет значительный интерес. Отмечу также, что выделение „Строительных приемов древних мастеров“ в особую главу следует признать неудачным, ибо характеристика строительной техники оказалась оторванной от самих памятников, рассмотренных в основных главах, при описании которых и следовало сказать об их технике. К тому же эта дополнительная глава содержит и архитектурное описание пещерного комплекса Гегарда (стр. 344—350), что было бы уместнее включить в главу об архитектуре XII—XIV вв.

В главе I, посвященной древнейшему зодчеству Армении, автор ограничивается краткими замечаниями о народном жилище, исходя из этнографического материала; затем он переходит к древним армянским городам, характеристика которых поневоле основана лишь на письменных источниках и, наконец, дает достаточно подробное описание знаменитого храма римской эпохи в Гарни, который датирует временем царя Трдата I, т. е. I в. н. э.

Древнейшие города Армении археологически еще совершенно не тронуты, а потому их характеристика, данная автором, не могла дать о них цельного представления. Но для изучения армянского народного жилища

¹ Если не считать двухтомного труда J. Strzygowsky. Die Baukunst der Armenier und Europa, 2 тома, Wien 1918. Но помимо крайне формалистических и расистских концепций автора, эта работа не охватывает всей истории армянской архитектуры и ограничивается материалом лишь ранне-средневековым.

уже накоплено немало материала, который Н. М. Токарский, к сожалению, использовал в ничтожной степени. Автор говорит лишь о карадах и даже не упоминает о таких архаических по своему облику комплексах, как пещерные поселения Армении (например, старый Горис), в сооружениях которого ясно отразились черты общинно-родового уклада; не привлечен им и сравнительный кавказский материал.² Невнимание к этому материалу значительно снижает ценность главы I; вдобавок ее содержание плохо связано Н. М. Токарским с темой „народное жилище“. Между тем, по важности этого предмета ему следовало уделить особое внимание и посвятить отдельную главу.

В более близкую ему область автор вступает в главе II, посвященной ранне-средневековому армянскому зодчеству (V—VII вв.). В этой главе автор значительное место уделит гражданской монументальной архитектуре — ранне-средневековым замкам и дворцам, ввел эти памятники в историю армянского зодчества, причем описания некоторых из них (Анберд, Двин) издаются им впервые. Автор говорит об их топографии (в связи с хозяйственной жизнью), об их техническом оснащении (водопроводы, водосборные сооружения, скрытые ходы к реке и пр.) и особенно подробно останавливается на Анберде — замке, высоко расположенном на южном склоне Арагаца и археологически исследованном в 1936 г. под руководством академика И. А. Орбели и при участии автора. Изложение сопровождается фотографиями — планом по собственным обмерам автора (к сожалению, не воспроизведен разрез дворца). Автор относит основную часть дворца к VII в. (стр. 26, 29), что вероятно, но все же недостаточно аргументировано: ссылки на различный характер кладки дворца и других построек Анберда (церкви 1026 г. и бани) не убедительны, ибо эти здания слишком различны по своему характеру и назначению.

В ту же главу включено и описание крепости в Бдини и замка Тигниса, относящихся, как указывает и автор, к более позднему времени — к IX—XI вв. Включение их в данную главу в качестве важного сравнительного материала представляется вполне правомерным. Однако использованный автором материал не исчерпывает даже то немногое, что нам известно. Почему-то не привлечен такой ценнейший памятник, как замок в Н. Талине, построенный не позднее X—XI вв. Следовало сказать и о крепости в Воротанберде (Сисианского района).

Важный материал содержит и следующая часть главы, посвященная патриаршим дворцам в Двине (открытым раскопками 1937—1939 гг.) и близ Вагаршапата. Автор дает и реконструкцию Двинского дворца (табл. 7); его внутреннюю колонную часть он представляет в виде открытого дворика, с чем трудно согласиться: против этого свидетельствует расположение колонн, образующих три правильных квадрата, и мощные капители высотой около 2 метров, рассчитанные, очевидно, на более сложное покрытие, нежели легкая одиночная балка. Гораздо убедительнее реконструкция архитектора В. М. Арутюняна (которую имеет в виду автор в примечании на стр. 45),³ предполагающая поквадратное деревянное сводчатое перекрытие, что подтверждает и этнографический материал. Описание дворца в Вагаршапате чрезмерно кратко и не соответствует значению этого памятника. К тому же нет анализа композиции дворца. Между тем происхождение ее очень важно в историко-культурном отношении:

² См. напр. Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение, как исторический источник. „Советская этнография“, 1936, № 4—5.

³ Теперь она опубликована.

следовало привлечь памятники Ирана и особенно Сирии и Месопотамии, где сохранились многочисленные виллы и дворцы до-арабского времени (например, дворец в Мшатте V в.) и где мы наблюдаем близкие композиционные решения. Тогда стало бы понятно то культурное окружение, в котором протекало творчество зодчих ранне-средневековой Армении, не оторванной от близкой ей культуры Ближнего Востока, а, наоборот, тесно связанной с ней повседневным живым общением.

Этот же недостаток сказался и в основном разделе главы II, посвященной культовой архитектуре V—VII вв. (стр. 43—109). Автор привлек здесь обширный материал, поражающий богатством и разнообразием форм, смелостью композиций и зрелым мастерством; армянские зодчие создали в полном смысле слова классическую архитектуру, несколько не утратившую и поныне силу своего художественного воздействия. Автор убедительно устанавливает хронологическую цепь развития форм от базилик до сложных центрических построек, кончая Звартноцем — венцом художественного гения средневековой Армении. При этом Н. М. Токарский привлекает немало нового материала, до того не опубликованного (храм в Арамусе, Таргманчацванк в Айгешате, храм в Сисиане, базилика в Арамусе и др.). Автор убедительно показывает, что первоначальный собор в Эчмиадзине, вопреки мнению Т. Тораманяна, относится к VII, а не к V в. (стр. 59—61), выясняет первоначальный облик столь важного памятника, как храм Рипсима близ Эчмиадзина (стр. 87—88), дает очень полезную сводку орнаментальных мотивов архитектурного убранства VII в. (стр. 119—127), выясняет черты первоначальной постройки Нерсеса Строителя в Ишхане, из форм которого, по мысли автора, исходил зодчий Звартноца (стр. 97—98), что, на наш взгляд, неоспоримо. Замечу, что этим, однако, не решается вопрос о происхождении сложной композиции Звартноца в целом, явившейся несомненно результатом сложного архитектурного развития. Этот вопрос автор, правда, ставит, но лишь негативно, отрицая византийские источники, что вполне справедливо. Зато совершенно не учтены сирийские параллели, притом более ранние (собор в Босре 512—513 гг.); между тем именно такое сравнение показало бы, насколько велики были достижения армянских зодчих — создателей Звартноца.

Не менее важен был бы аналогичный сравнительный анализ и в отношении своеобразной центрической композиции в виде подкупольного пространства с выступающими экседрами, образцами которой являются храмы в Багаране и Мастаре (стр. 76—79); но об этом у автора — ни слова. Зато совершенно необоснованно этот тип генетически связан с небольшими по размеру простыми крестообразными храмами, столь распространенными в Армении и Грузии в VII в.; между тем, наличием общего принципа центричности и ограничивается связь того и другого типа, что еще ничего не дает для выяснения конкретного процесса архитектурного развития. В специальной литературе уже указывалось, что небольшой крестообразный храм ведет свое происхождение, несомненно, из погребальной архитектуры римского времени (исходный момент — прямоугольный склеп с лежанками с трех сторон, с четвертой стороны — вход; отсюда понятен мемориальный характер крестообразных храмов). Обо всем этом в книге также ничего не сказано, зато происхождение этих небольших храмов в форме чистого креста почему-то связано с купольными залами (стр. 73—76), а это ничего не объясняет. Ничего не говорится и о происхождении композиции многоапсидных храмов [церкви в Егварте, Иринде (стр. 106—107)], истоки которой также лежат в архитектуре еще римского времени. Наконец, совершенно непонятно, почему типичные купольные базилики в В. Талине и Двине, лишь услож-

ненные боковыми экседрами, рассматриваются после многоапсидных центрических зданий, с которыми они генетически никак не связаны и, в сущности, не имеют никаких точек соприкосновения.

Вряд ли приемлема и методика датировки памятников ранне-средневековой архитектуры, не имеющих точной даты, по орнаментике датированных памятников (стр. 90, 119, 123), ибо по наличному материалу нет никакой возможности установить *начальный* момент применения той или иной орнаментики: то, что автору, на основании датированных примеров, кажется относящимся только к 30-м годам VII в., может относиться и к более раннему, и к более позднему времени (в пределах данного исторического периода — VI—VII вв.).

Автор поступил совершенно правильно, привлекая попутно аналогичные армянским архитектурные памятники Грузии, прежде всего замечательный храм Креста близ Мцхета. Однако в полемике с Г. Н. Чубинашвили, который настаивает на приоритете Грузии в выработке этой композиции, якобы перенятой армянами позднее, у Н. М. Токарского проскальзывает противоположная и, в сущности, столь же неверная тенденция закрепить этот приоритет именно за армянскими водичми. Ведь сам же Н. М. Токарский справедливо указывает на „одновременное появление там и здесь сходных типов построек и сюжетов в убранстве“ (стр. 93). Дело, конечно, не в том, где раньше появилась композиция церкви Креста (Джвари) и церкви Рипсима (для решения этого вопроса еще нет надежных оснований), а в том единстве творческого пути, которыми шли зодчие и Армении, и Грузии в эпоху раннего средневековья (V—VII вв.). Грузинское и армянское зодчество того времени — это *единое* художественное и, тем самым, историческое явление, что отнюдь не исключает индивидуальности того или иного армянского или грузинского произведения в рамках одной архитектурной концепции.

В связи с этим можно вполне присоединиться к той критике, которой автор подвергает в конце главы статью Г. Н. Чубинашвили об армянской архитектуре IX—XI вв.⁴ В этой статье Г. Н. Чубинашвили объявляет многие выдающиеся армянские памятники VII в. памятниками X—XI вв., стремясь убедить читателя, что у армянских зодчих хватило способностей лишь на „наивные, подчас беспомощные неудавшиеся попытки создать... новые архитектурные композиции“.⁵ Вся армянская архитектура IX—X вв. (та самая, которая в действительности была создана в VI—VII вв.) являет, по мнению Г. Н. Чубинашвили, „безотрадную картину“.⁶ В научно-популярной книге Н. М. Токарского, естественно, не наша места развернутая критика этой „концепции“, извращающей процесс художественного развития всего Закавказья, а не только Армении. Статья Г. Н. Чубинашвили требует специального разбора,⁷ но сделанные Н. М. Токарским замечания вполне обоснованы.

Глава III в первой своей части (стр. 137—182) содержит по существу лишь обзор материала с кратким описанием памятников, сначала анийских, затем провинциальных („княжеские селения, монастыри, селения“). Этот обзор большей частью носит характер нередко между собой ничем не связанных экскурсий по памятникам IX—XI вв., но включает в себя и более поздние памятники (XII—XIII вв.). Местами обзор очень

⁴ В сб. „Сасунский Давид“, под ред. проф. Меликсет-Бека. Изд. Тбил. гос. ун-та, Тбилиси, 1939, стр. 17—57.

⁵ Там же, стр. 44—46.

⁶ Там же, стр. 33.

⁷ Некоторые замечания (в связи лишь с одним памятником) содержатся в брошюре В. М. Арутюняна, по поводу датировки храма в Аруче. Ереван, 1940.

содержателен и представляет серьезное исследование отдельных памятников. Сюда относится новая датировка столь важного памятника в Ани, как церковь Апостолов, которую автор на основании достаточно веских соображений относит к началу XI в., а затем выясняет в данной связи последовательность крупного строительства в Ани (стр. 154—157), продолжая в этом отношении работу Т. Торамаяна. Очень интересен анализ круглого храма Гагика (1001 г.) и дворцовой церкви X—XI вв. Однако собственно история армянского зодчества IX—XI вв. и процесс его развития даны в следующем, очень кратком разделе (стр. 183—193), где автор выясняет основные черты архитектуры той поры, преемственную связь с классическим армянским зодчеством, основные тенденции ее развития, дает стилистические (правда, очень скупые) характеристики. При этом автору приходится возвращаться к уже описанным памятникам, некоторые из них вновь описывать, а один из наиболее важных по значению — знаменитый храм на о. Ахтамаре — выделен им из общего изложения в особый раздел (стр. 194—199), хотя он тесно связан с архитектурой той поры и очень важен для понимания всего ее развития. Вряд ли можно признать удачной такую структуру главы, где внешнее описание памятников совершенно оторвано от их осмысления.

Трудно безоговорочно согласиться и с утверждением автора о господстве в провинциальном церковном строительстве X—XI вв. шаблона: наличие архитектурного канона общей композиции еще недостаточно для такого утверждения. Нередко, даже в глуши, можно встретить церкви, носящие ярко выраженные индивидуальные черты, например церкви в Байсызе (Галинского района), Бджни (Ахтинского района), первоначальная церковь в Хоракерте (Алавердского района). Тем более нет основания говорить о каком-то „творческом тупике“ армянских зодчих IX—XI вв. (стр. 188), чему, впрочем, противоречит весь ход мыслей автора. Читателя смущает и противоречие в характеристике архитектурной орнаментики X—XI вв.: то автор не находит в ней „ни одного из мотивов VII в.“ (стр. 190), что неверно, то указывает на целую серию мотивов, „отмеченных известным архаизмом“ (стр. 192), т. е. наблюдаемых уже в VII в. Однако не трудно убедиться, что и этим старым орнаментальным мотивам в Багратидскую эпоху был придан новый стилистический облик.

Глава IV — „Тайкская архитектурная школа X в.“ выпадает из общей структуры книги, ибо те памятники, о которых идет речь, являются во всех отношениях памятниками грузинской архитектуры, да и принадлежат они территории, которая по своей культуре к X в. стала уже грузинской. Если можно согласиться с автором, что первоначальный храм, построенный в VII в. Нерсесом Строителем на своей родине — Ишхане, является памятником армянского зодчества (стр. 203) и потому имеет прямое отношение к армянской культуре, то нет никаких оснований рассматривать последующее (в X в.) зодчество этой области как противостоящее архитектуре остальной Грузии или как своего рода средостение между архитектурой грузинской и армянской (стр. 202). В тех памятниках Чорохского бассейна, которыми оперирует автор (храмы X—начала XI вв. в Ошке, Хахуле, Тбети и перестроенный храм в Ишхане), составляющих единую по стилю группу, ярко выражены черты, типичные именно для грузинской архитектуры. Это ясно сказывается хотя бы в плановом решении в виде креста с элементами базиличной протяженности (удлиненная западная ветвь креста): своеобразие грузинской архитектуры X—XII вв. заключается именно в компромиссе базиличного и центрально-купольного принципа, тогда как в Армении

центрально-купольный принцип безраздельно господствует уже с VII в. Такие выдающиеся грузинские памятники, как храмы в Алаверди (вторая половина X в.), Кутаиси (ок. 1003 г.), Мцхете (ок. 1029 г.) — достаточно показательны в этом отношении. Соответственно коренным образом отличается и вся внутренняя композиция, где нет той объединенности всего пространства под куполом, как это наблюдается в армянской архитектуре (армянские и грузинские зодчие в X—XI вв. ставили перед собой различные архитектурно-художественные задачи). То же следует сказать и о трактовке фасада с его *глубоким* расчленением сильно выступающими пучками полуколонок, что опять-таки не характерно для армянского зодчества, где аркатура (например, Анийский собор, церковь Спасителя в Ани и др.) плоскостна и не нарушает монолитности фасада; наоборот, в грузинском зодчестве эта аркатура играет активную роль: она мыслится как основной конструктивный элемент фасада. Этим коренным и резким отличием автор явно пренебрегает (стр. 209).

С некоторым основанием можно говорить лишь об отдельных чертах влияния первоначального собора в Ишхане (VII в.) на храм в Хахуле (обработка алтарного полукружия нишами, что наблюдается и в армянском зодчестве начала XI в. — в Анийском соборе, Мармашене), т. е. о некоторых чертах влияния армянского зодчества, но это ни в какой мере не нарушает весь художественный облик храма в Хахуле, типично грузинский.

В целом все эти памятники Чорохского бассейна настолько же отличаются от собственно армянских, насколько грузинское зодчество X—XI вв. отличается от армянского зодчества того же времени. Поэтому общий вывод главы („основные направления, по которым шло развитие архитектурной мысли в тяготевших к Грузии владениях Давида и багратидском царстве, совпадали“) остается совершенно необоснованным, а вся глава остается загадкой для читателя.

Эта глава книги Токарского („Тайская архитектурная школа X в.“) подверглась подробному и отрицательному разбору и со стороны академика С. Н. Джанашиа,⁸ с выводами которого в этом отношении нельзя не согласиться.

В следующей главе автор возвращается к собственно армянскому зодчеству в XII—XIV вв., в эпоху рождения нового архитектурного стиля, который автор, следуя Н. Я. Марру, связывает с расцветом городов и городской культуры в Армении той поры [прежде всего Ани (стр. 220)]. Автор справедливо делает ударение именно на гражданской архитектуре, созревшей в новых социальных условиях городской жизни и определившей новый расцвет армянского зодчества XII—XIV вв., развитие которого не было приостановлено и сельджукским завоеванием. Зато новая политическая обстановка теснее связала армянское искусство с искусством соседних мусульманских стран: „оживленная караванная торговля, обмен мастерами вели к появлению форм, сюжетов и технических приемов в искусстве, носящих скорее признаки скрещения, чем заимствования“ (стр. 218). Это хорошо показано автором в дальнейшем изложении на основании обширного материала.⁹

⁸ С. Н. Джанашиа. Об одном примере искажения исторической правды. „Вопросы истории“, 1947 г., № 5, стр. 71—89; ранее была напечатана отдельной брошюрой в издании „Заря Востока“.

⁹ В связи с этим следует признать крайне неудачной фразу: „С появлением в Армении сельджуков справедливо связывают сложение новых форм в армянской архитектуре XII—XIV вв.“ (стр. 216). Читатель может подумать, что именно сельджукам Армения обязана этими архитектурными формами, что, конечно, неверно, да этому противоречит и все дальнейшее изложение.

Первый раздел этой большой главы посвящен гражданской архитектуре (стр. 222—262), преимущественно анийской; второй — церковной архитектуре (стр. 262—321); третий — мостам, которые почему-то рассмотрены в отрыве от гражданской архитектуры, несмотря на то, что тесно связаны с городом (анийские мосты) и с караван-сараями, описанными выше. Неудачная компоновка материала сказывается и в других частях главы: например, о порталах речь идет в нескольких местах (стр. 223—225; 278—297); рассмотрение анийской гостиницы и караван-сарая почему-то разобщено.

Преимущественное внимание в этой главе автор уделяет не столько архитектуре и архитектурной композиции, сколько декоративной разработке архитектурной плоскости и отдельных архитектурных элементов, особенно портала. Это понятно, ибо в поздне-средневековом армянском зодчестве декоративная разработка интерьера и фасада приобрела особое значение и нередко стояла в центре внимания зодчих. Данная глава, несмотря на свои структурные недостатки и отдельные неверные утверждения, составляет лучшую часть книги.

Прекрасно прослежена смена форм портала (стр. 223—225, 278—297), тенденции развития которых автор убедительно связывает с новыми художественными веяниями, вызванными новой общественно-политической обстановкой в Армении во второй половине XIII и XIV вв. (особенно стр. 294—296); очень хорош анализ сталактитовых сводов и полусводов, столь характерных для армянского зодчества XIII—XIV вв. (стр. 252—256); не менее интересен анализ декоративной разработки церкви Тиграна Оленца и Бахтагеки в Ани и их подобных (стр. 267—271), как и общая характеристика всей декоративной композиции армянских храмов XIII в. (особенно стр. 276); интересны соображения о массовом изготовлении литых гипсовых украшений (стр. 299—304), о развитии фигурной декоративной наборными плитками (стр. 235—240) и т. д. Популярное изложение и здесь содержит исследование материала в полном смысле слова, хотя и без достаточного научного аппарата, который автор опустил, имея в виду именно популярный характер издания.

Правда, и здесь не со всем можно согласиться. Вряд ли можно принять утверждение, что резьба на фасадах XIII в. „начала переходить на поверхность стены, заполняя часто сплошным узором значительную площадь“ (стр. 235—236). Наоборот, несмотря на исключительное развитие этой резьбы, она никогда не заглашает гладь стены: традиции классического армянского зодчества не были изжиты вплоть до XVII в. — в этом одна из наиболее замечательных черт архитектуры поздне-средневековой Армении. Резьба лишь акцентировала отдельные архитектурные элементы — портал, окно, карниз, подчиняясь архитектонике фасада.

Никак не могу согласиться с произвольной трактовкой неправильных перекрестий на концах креста на восточном фасаде церкви Спитакавор, как „отталкивающей гримасы“ (стр. 294); скорее здесь нарочитое воспроизведение грубо сколоченного деревянного креста; его несколько асимметричная форма хорошо вязалась с общей асимметричностью в композиции фасадов, столь характерной для армянского зодчества XIII в., что создавало известную динамику форм. Но об этой асимметрии автор ничего не говорит, будто бы ее не замечает. Неверно, что тяги, состоящие из мелких сталактитов, появляются только в конце XIII в. (стр. 291—292); они известны на памятниках уже середины этого века (например Хоракерт, Мшканк и др.). Говоря об изобразительных мотивах резьбы, автор касается только декоративной стороны дела, совершенно умалчивая о *содержании* изображений; особенно это важно в отношении птиц

с человеческой головой (сиринов) и крылатых животных тоже с человеческой головой, изображения которых, как указывает автор, встречаются всюду в Армении XIII в. (стр. 234, 269—270, 307—308) и Иране, добавим, — и в М. Азии и Месопотамии того же времени. Эти типичные для кавказо-иранского культурного мира образы священной райской птицы (может быть Анка) и священного крылатого полуконя-получеловека (не кентавра), часто в нимбе (на керамических росписях), помещенные нередко на порталах армянских церковных притворов (например в Макараванке), может быть, унаследовали значение апотропея. Во всяком случае, автор не должен был пройти мимо этого вопроса.

Главное внимание Н. М. Токарский, повторяю, сосредоточил на декоративном убранстве зданий. Но этим не исчерпывается суть дела. Бесспорно, что собственно архитектурная композиция продолжала развиваться и в Захаридскую эпоху, и даже позднее; достижения армянских зодчих в этом отношении не менее велики и значительны. Между тем автор эти достижения оставил в тени. Не случайно, что оба основных раздела главы (гражданское и церковное зодчество) начинаются с изучения не архитектурной композиции, а с порталов (стр. 226 сл., 273 сл.). Правда, и здесь немало ценных наблюдений, например об устройстве караван-сараяв, где нефы, как хорошо показал автор, отделялись низкими арками, непосредственно опирающимися на пол, без столбов (стр. 240—246), о влиянии грузинской архитектуры в разработке восточного фасада (стр. 267, 276), о реконструкции ктиторской группы в Нораванке (стр. 312). Но все же эта сторона дела разработана автором значительно слабее.

Совершенно недостаточное внимание уделено бесстолбной композиции с системой нервюрного перекрытия в виде взаимно перекрещивающихся арок (стр. 255—260), представляющей одно из самых выдающихся достижений армянского зодчества XII—XIII вв. не только в художественном, но и в техническом отношении. Автор не прослеживает развития этой композиции, уже вполне выработанной по крайней мере в конце XII в.,¹⁰ а не в 30-х годах XIII в., как полагает автор (стр. 257, 313—314), к тому же неверно датируя такое нервюрное перекрытие нижнего этажа колокольни в Нор-Гетике 1231 г., т. е. временем первоначального сооружения; на самом деле это перекрытие относится к 1291 г. — дате всей двухэтажной постройки.¹¹

Автор совершенно не объясняет такого важного явления, как уменьшение размера церквей, что характерно для культовой архитектуры XII—XIII вв., сводя дело к „желаниям и возможностям заказчиков“ (казалось, возможности у богачей-заказчиков были достаточные) и к условиям скученной городской застройки (стр. 266), хотя небольшие размеры церквей не менее типичны для монастырского и сельского церковного строительства. При этом автор не учитывает того, что в период позднего средневековья резкое уменьшение размеров церковного здания характерно не только для Армении, но и для многих христианских стран, в том числе и для Византии. Дело, очевидно, в новых социальных условиях этого строительства, когда церковное здание строится уже не для всех; оно рассчитано на ограниченный круг молящихся. Зодчие сознательно стремятся придать церкви замкнутый, уединенный, нередко

¹⁰ Большой гавит собора в Ахпате, построенный в начале XIII в., дает эту композицию уже во вполне законченном и притом усложненном виде, следовательно, зарождавшие ее относятся, вероятно, еще к предыдущему периоду.

¹¹ На месте ясно видно, что пилоны, примыкающие к стене и поддерживающие арки перекрытия, частью закрыли ниши в первоначальных стенах, резко отличающихся от вышележащих частей и характером кладки.

интимный характер;¹² в условиях города — это приходский храм, построенный общиной или для общины.

В объяснении генезиса обычной для Армении композиции четырех-столпного гавита автор, следуя С. Д. Лисициану (стр. 248—249, 297), возводит ее к простому и очень архаичному крестьянскому жилищу — туну или карадаму, какие еще сохранились кое-где, а в глуши строились до последнего времени (1936 г.). Однако, как не вяжется явно дворцовый облик обширного притвора-гавита с маленьким, темным и глухим, словно пещерным, карадамом — курной избой! Реальную и, конечно, опосредствованную генетическую связь того и другого можно установить лишь при наличии промежуточных звеньев развития, но их нет. Дело, мне кажется обстоит сложнее: не представляет ли четырехстолпная композиция армянского гавита сокращение трехнефной дворцовой залы, известной в Армении начиная с V в., в частности, во дворце Багратидов в Ани (XI в.) и дожившей до XIII в., когда ее использовали именно для монастырского притвора (в Санаине); зодчие сократили число устоев до двух пар с целью привести всю композицию в соответствие с центрическим принципом, безраздельно господствовавшим в армянской архитектуре XII—XIV вв.

Предложенное объяснение отнюдь не означает понижения роли крестьянской архитектуры в армянском монументальном строительстве. Так, армянские караван-сарай XII—XIII вв. в форме базилики следует, на наш взгляд, связать именно с крестьянским гомом — помещением для скота, в виде деревянной „базилики“. Близость назначения естественно привела к использованию этой формы для караван-сарая, а позднее, в XVI—XVII вв., и для самих церквей (их много в Даралагезе и Зангезуре). К сожалению, автор не касается этого вопроса, имеющего несомненный историко-культурный интерес (см. стр. 240—246); при этом опущен особенно важный памятник такого рода — самый крупный из известных в Армении — „тройной“ караван-сарай близ Н. Талина.

Несмотря на указанные недостатки, рассмотренная глава представляет большой интерес. Впервые читателю дается связный и правдивый рассказ о богатейшем по своим формам и содержанию армянском зодчестве позднего средневековья.

Если оценивать книгу Н. М. Токарского в целом, то приходится признать, что в ней немало крупных недостатков. Первый из них — невнимание к вопросам генезиса архитектурных форм средневековой Армении, которые большей частью рассматриваются вне связи с окружающей ее культурой сопредельных стран. Этим в значительной степени объясняется и то, что процесс развития архитектурных форм прослежен не всегда четко, особенно в главе о ранне-средневековом зодчестве (V—VII вв.).

Второй существенный недостаток — почти полное отсутствие стилистического анализа, к которому автор, повидимому, относится пренебрежительно (стр. 130), хотя только таким путем может быть вскрыта художественная природа памятника. Наряду с этим встречаются чисто эстетские, ничего не говорящие характеристики („неуклюжий купол“, „развалистый вид“, „унылая форма“ — стр. 54, 172, 187 и др.). Попадаются в рецензируемой книге и другие ошибки, но эти недостатки в значительной степени искупаются крупными достоинствами. Прежде

¹² Особенно типична не раз привлекавшаяся автором церковь Григория 1237 г. в Нор-Гетике. Характерно, что для церкви и монастырей в XIII в. ищут не открытое место, чтобы церкви были видны издали, как бы завершая пейзаж, как в раннее средневековье, а прячут их в ущелья, в лесную чащу, в горы, в малодоступные и уединенные места, словно скрывая храм от мирской суеты.

всего, книга Н. М. Токарского — первый более или менее полный обзор истории армянского зодчества, сделанный с привлечением огромного материала и с большим знанием дела. Автору нередко пришлось идти по еще не исследованному пути; поэтому его обзор перерастает в историко-архитектурное исследование, положительные результаты которого бесспорны. Уже это одно делает книгу Н. М. Токарского очень ценным вкладом в историю не только армянской архитектуры, но и армянской культуры в целом. Кроме того, книга подкупает простотой и ясностью изложения, что облегчает не специалисту усвоение большого материала, содержащегося в данной работе и накопленного многими годами упорного труда. Книга Н. М. Токарского хорошо послужит дальнейшему изучению истории армянского зодчества.

А. Л. Якобсон

Г. ОСТРОГОРСКИЙ. ВИЗАНТИЙСКИЕ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ.

Byzantinoslavica, IX, 2, Прага, 1948, стр. 203—306.

За последнее время в советской исторической литературе появилось несколько обзоров, посвященных анализу научной деятельности Г. А. Острогорского.¹ Эти обзоры и рецензии доказали, что современное буржуазное византиноведение развивается в реакционном направлении и одним из его представителей является автор рецензируемой работы. Ныне Г. А. Острогорский выступил с большой статьей „Византийские писцовые книги“, в которой он поставил себе задачу „дать общий сравнительный анализ всех опубликованных доселе византийских писцовых книг, как уже изученных, так и оставшихся еще неиспользованными“ (стр. 206).

Внимание советских византинистов, а также историков всех других специальностей, занимающихся исследованиями общественно-экономических отношений в эпоху феодализма, справедливо будет привлечено широкой поставленной автором задачи. Со времени выхода в свет произведений Ф. И. Успенского, который впервые ввел в научный оборот византийские писцовые книги, как источник для изучения аграрных отношений Византийской империи,² прошло более полувека. За это время в научный оборот было введено большое количество памятников аграрных отношений Византии. Это время характеризуется большими успехами в области изучения истории аграрного строя Византии, которая разрабатывалась главным образом русскими учеными, как и византийские писцовые книги исследовались почти исключительно ими. Советское византиноведение подвергло общему пересмотру вопросы византийского феодализма, и работы советских византинистов (Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, А. П. Дьяконов, Б. Т. Гррянов, А. П. Каждан) внесли много нового в изучение общественно-экономических отношений в византийской феодальной деревне. Естественно поэтому, что попытка дать общий анализ *всех опубликованных писцовых книг* Византии сама по себе должна вызывать и вызывает большой и вполне заслуженный интерес.

¹ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — „Вопросы истории“, 1945, № 3—4; М. В. Левченко. Рецензия на книгу G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940. — Виз. Врем. II (XXVII), 1948; его же, Рецензия на эту же книгу. — Вестн. Ленингр. ун-та. 1947, № 12.

² Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в. Зап. Новоросс. ун-та, 38 (1883); его же, Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ч. 225 (1883), стр. 187—201; ч. 231 (1884), стр. 1—46, 189—335; ч. 240 (1885), стр. 1—52.